

реплётйк для своего паспорта. Он долго и старательно что-то резал, клеил и, высунув язык, выводил надпись. «Я. И. Дубинин».

К часу дня грандиозный труд был закончен. Приближалась роковая минута, когда придётся всё-таки заняться планированием. Яков Иванович отвернулся от письменного стола брезгливо, как кот, которому пьяный шутник суёт в нос дымящуюся папиросу. Он даже фыркнул от отвращения.

За окном шумели голые весенние ветки.

— Сегодня солнечно, но ветрено, — сообщил Яков Иванович, набиваясь на разговор.

— Не мешайте работать, — ответила Людмила Филипповна.

— Я, кажется, всем здесь мешаю, — обидчиво сказал Дубинин. — Что же, я могу уйти.

И он ушёл в уборную, где сидел сорок минут, думая о нетоварищеском, нечутком отношении к нему сотрудников сектора планирования, о профессоре Пикаре и о том, что билеты на «Град Китеж» действительны на двадцать восьмое.

«Вот чорт, — думал он, — ходят же люди по театрам! Времени у них сколько угодно, вот они и шлются!»

В свой сектор Дубинин вернулся томный, обиженный.

— К вам посетитель приходил,— сказала Людмила Филипповна.— Относительно запланирования стеклянной тары. Он ждёт в коридоре.

— Знаю без вас,— сурово сказал Яков Иванович.— Сейчас я с ним всё вырешу. Уж, извините за выражение, человеку в уборную сходить нельзя.

Но в эту минуту его позвали к начальнику.

— Слушайте, товарищ Дубинин,— сердито сказал начальник.— Оказывается, вы сегодня опять опоздали на десять минут к началу служебных занятий. Это что ж получается? Не планирование, а фланирование. Вы понимаете, что такое десять минут, украденные у государства? Я вынужден объявить вам выговор в приказе. Я вас не задерживаю больше, товарищ Дубинин. Можете идти.

«Не задерживаю,— горько думал Яков Иванович, медленно идя по коридору.— «Фланирование». Скажите, пожалуйста, какой юморист! Тут работаешь, как зверь, а он... бюрократ паршивый! Городовой в пиджаке!»

— Нет, я этого так не оставлю!— кричал он в отделе, заглушая шум машинки.— Да, я опоздал на десять минут. Действительно, на десять минут я опоздал. Ну и что? Разве это даёт ему право обращаться со мной, как со скотом? «Я вас не задерживаю!..» Ещё бы он меня задержал, нахал! «Можете идти!» Что это за тон? Да, и пойду! И буду жаловаться!

Он хватал сотрудников за руки, садился на их столы и беспрерывно курил. Потом сел на своё место и принялся сочинять объяснительную записку.

«Объяснительная записка» — вывел он посередине листа.

Он сбегал в соседний сектор, принёс оттуда красных чернил и провёл под фиолетовым заглавием красную красивую черту.

— Товарищ Дубинин,— сказал тихий Фёдор Николаевич

вич,— готовы у вас плановые наметки по Южному заводу?

— Не мешайте работать!— заревел Яков Иванович.— Человека оскорбили, втоптали в грязь! Что ж, ему уже и оправдаться нельзя, у него уже отнимают последнее право, право апелляции?

Фёдор Николаевич испуганно нагнул голову и притаился за своим столом.

— Я им покажу!— ворчал Дубинин, приступая к созданию объяснительной записки.

«25-го сего месяца я был вызван в кабинет товарища Пытлясинского, где подвергся неслыханному...»

Он писал с громадным жаром, разбрызгивая чернила по столу. Он указывал на свои заслуги в области планирования. Да, именно планирования, а не фланирования.

«...Конечно, острить может всякий, но обратимся к непреложным фактам. Инкриминируемое мне опоздание на десять минут, вызванное трамвайной пробкой на площади имени Свердлова...»

— Пришёл товарищ Дубинин?— раздался голос.— Я, собственно говоря, поджидаю его уже два часа.

— Что?— сказал Дубинин, обратив к посетителю страдающий взгляд.

— Я, товарищ, по поводу стеклянной тары.

— Вы что, слепой?— сказал Яков Иванович гнетущим шопотком.— Не видите, что человек занят? Я пишу важнейшую докладную записку, а вы прётесь со своей стеклянной тарой. Нет у людей совести и чувства меры, нет, честное слово, нет!

Он отвернулся от посетителя и продолжал писать:

«...Десятиминутное опоздание, вызванное, как я уже докладывал, образовавшейся на площади имени Свердлова пробкой, не могло по существу явиться сколько-нибудь

уважительной причиной для хулиганского выступления тов. Пытлясинского и иже с ним...»

В половине пятого Дубинин поднялся из-за стола.

— Так и есть,— сказал он.— Полчаса лишних просидел в этом проклятом, высасывающем всю кровь учреждении. Работаешь, как дикий зверь, и никто тебе спасибо не скажет.

Объяснительную записку он решил дописать и окончательно отредактировать на другой день.

НА КУПОРОСНОМ ФРОНТЕ

В КВАРТИРЕ разгром. Вся мебель сдвинута на середину комнаты и покрыта газетами. Полы заляпаны извёсткой. Спотыкаясь о помятые вёдра с купоросом, бродит растерянный хозяин. Дети перепачканы краской и безумно галдят.

— Что случилось?— спрашивает гость.

— Что случилось?— замогильным голосом говорит хозяин.— Случилось то, что мы гибнем! Погибаем! Всё кончено!

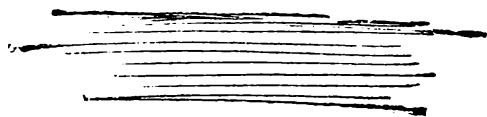
Но, видимо, ещё не всё кончено. Дыхание жизни ещё клокочет в груди страдальца. Он неожиданно подымает иссохшие руки к пятнистому потолку и страстно декламирует:

— О, зачем, зачем я решился на этот ужасный шаг! А так было хорошо, такая развёртывалась нормальная семейная жизнь! Помнишь, Лена, ещё недавно, каких-нибудь две недели назад... Мы пили чай по вечерам. Я отдыхал в этом кресле. Наши милые чистенькие дети беспечно резвились в коридоре. А теперь...

— Что же всё-таки произошло?

— Маляры!— говорит хозяин, обводя комнату блуждающим взглядом.

При этом слове жена начинает плакать, из коридора до-

носятся грохот и сейчас же вслед за ним — радостный вой юного поколения: упала стремянка.

— Видишь,— сквозь слёзы говорит жена,— надо было нанять того тихого старичка, который красил двери у Кирсановых. Он бы в два дня всё сделал!

— Тихого старичка?— взвизгивает хозяин.— Этого са-диста?

Тут начинается такая перепалка, что гость живо откланивается и уходит. Ему уже ясно, в чём дело.

Произошло то, что происходит всегда с теми оригиналами, которые решают произвести в квартире небольшой, выражаясь официально, текущий ремонт.

Где таятся маляры, где их искать, к кому обращаться? Ничего неизвестно! В таких случаях спрашивают знакомых или просто подстерегают маляров на улице. Если повезёт, то уже на третий — четвёртый день хорошо организованной слежки (желательно разослать в разные концы города всех членов семьи) удастся встретить мрачную фигуру с кистью и ведром и при помощи посулов и грубоватой лести затащить её к себе.

Фигура неторопливо и значительно оглядывает объект работы и после долгого кряхтения заявляет:

— Что ж, купоросить надо. Без купоросу никак нельзя. Купорос, он действие оказывает. Кругом себя оправдывает. Тут, значит, если не прокупоросишь, колеру правильного не будет. А можно и не купоросить.

— Так как же всё-таки лучше?— подобострастно спрашивает наниматель.— С купоросом или без купороса?

— Ваше дело, хозяйское. Одни любят с купоросом, другие — без купороса.

— Тогда на всякий случай прокупоросьте. А вот эту комнату я хотел бы выкрасить в жёлтый цвет, знаете, такой весёлый, канареечный, солнечный.

— Кроном, значит?— степенно говорит маляр.— Это

можно. Возьмём, значит, кроном и покрасим. Кроном, значит, вот как возьмём и как есть покрасим. Кроном. Отделаем уж, как полагается, хозяин.

Другую комнату договариваются выкрасить в светлозелёный цвет. При этом маляр произносит непонятную речь о каком-то стронции, который тоже своё действие оказывает и кругом себя оправдывает.

Переговоры длятся часа два. Бесконечно повторяется одно и то же. Маляр, задрав голову, подолгу смотрит на потолок, будто ждёт, что оттуда пойдёт дождь, цокает языком и сокрушённо взмахивает руками.

— Ну, кажется, всё, — нервно говорит хозяин. — Во сколько же это обойдётся?

И тут начинается Художественный театр. Маляр заказывает получасовую качаловскую паузу. У хозяина начинает щемить сердце.

— Что ж, сделаем, как следует. Значит, с твоим купоросом?

— Как — с моим купоросом? Где же я вам возьму купорос?

— Этого мы, маляры, не знаем.

И всё начинается сначала. Маляр опять бродит из комнаты в комнату, вздыхает, мекает, хмыкает, чешется. В конце концов выясняется, что он всё может достать — и проклятый купорос, и крон, и белила, и даже загадочный стронций.

Но вот он называет цену. Триста рублей. Цена ни с чем несообразная, неестественная, глупая, обидная. Идёт длительный базарный, азиатский торг. Попутно выясняется, что маляр может работать только по вечерам.

Хозяин соглашается на всё. По вечерам — так по вечерам, двести пятьдесят — так двести пятьдесят. Только бы поскорее. Надоели грязные стены, трещины, моль, вся эта чертовщина.

Ночью семья работает: стаскивают в одно место мебель, снимают со стен картинки и портреты предков, связывают вещи в узлы. Завтра должен явиться маляр ровно в шесть часов вечера.

Но его нет ни в шесть, ни в семь, ни в десять. Он не приходит. В эту ночь семья спит на узлах.

Зато на другой день маляр появляется вовремя и приводит с собой ещё трёх мастеров — двух стариков и мальчика. Мальчик, как и остальные, в забрызганных мелом сапогах и громадном ватном пиджаке (спинжаке). Он тоже хмыкает, мекает и неясно выражается насчёт благотворного действия купороса.

Весь этот трудовой коллектив снимает пиджаки и рассаживается на перевёрнутых ящиках и ведрах посреди комнаты. Мастера пьют чай и поглядывают на потолок. Потом потихоньку и стройно начинают петь:

«Эх, вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои!»

Степная удаль и тоска слышатся в этой странной, разбойничьей песне. И сразу начинает казаться, что нет никакого Днепрогэса, что ничего не произошло, что нет ни метро, ни авиации, ни замечательных колхозов, что в квартире разыгрывается какая-то сплошная хованщина, восемнадцатый век, а может быть, даже шестнадцатый.

Напившись чаю и напевшись вдосталь, мастера надевают пиджаки, снова их снимают и снова надевают. После этого они берут у хозяина двадцать пять рублей на приобретение крона и уходят. А мальчик остаётся купоросить. При этом он сразу же разбивает стекло книжного шкафа и прожигает каким-то неизвестным веществом малиновое сукно на письменном столе.

— Ты что, с ума сошёл? — кричит хозяин.

— Купорос, он колеру не любит,— бормочет ужасное дитя.— Он своё действие оказывает, осадку даёт.

— Это бред!— говорит хозяин.

И он прав, начинается бред.

В разрушенную квартиру маляры больше не возвращаются. Очевидно, они удовлетворены полученным задатком.

Три дня несчастная семья на что-то надеялась. Потом знакомые рекомендуют некоего Вавилыча, кристального старика.

Кристальный старик приходит, с хватающей за душу медлительностью осматривает комнаты и берётся сделать работу со своей олифой и кроном — всё за двенадцать рублей. Тут же выясняется, что почтенный старец смертельно пьян и за свои слова отвечать не может. Его с трудом выводят.

Проще всего было бы расставить мебель по местам и жить, как жили. Но этого сделать уже нельзя. И стены и потолки вымазаны какой-то дрянью.

Приводят ещё одного мастера. Он тоже детально договаривается обо всём, входит во все мелочи, но в конце разговора присовокупляет, что начать работу сможет только через месяц, так как уезжает в деревню на праздники.

И зачем он, собственно, приходил и потерял целый вечер на разговоры и чесание подмышек, непонятно. На кухне рыдает хозяйка.

— Неправильно сделали,— говорят бессердечные знакомые. — Вот когда те трое с мальчиком приходили, надо было их запереть и не выпускать из квартиры, пока не кончат работы.

— Если бы я знал!— вопит страдалец.— Ах, если бы я знал!

Уж я бы их!..